

592565

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИМЦЕВЪ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-ая.

ЮНЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ТУРКЕСТАНЪ

и

ЕГО РЕФОРМЫ.

Изъ записокъ очевидца.

Въ концѣ 1867 года, изъ части бывшей Семипалатинской области и вновь приобрѣтенныхъ владѣній нашихъ въ Средней Азiи, учреждено Туркестанское генераль-губернаторство, и тогда наступили въ этомъ краѣ преобразованiя. Такъ составились двѣ области Сыръ-Дарьинская и Семирѣченская, въ-которой укр. Вѣрное, какъ резиденцiя военнаго губернатора, обращается въ областную городъ. Области раздѣлились на уѣзды, вмѣсто прежнихъ округовъ и другихъ административныхъ дѣленiй, далеко не одинабовыхъ по пространству и населенiю, и еще болѣе различныхъ по устройству въ нихъ управленiй, не соотвѣтствовавшихъ времени, нуждамъ края и видамъ правительства. Наконецъ, предстоило ввести новое управленiе киргизами въ уѣздахъ, провѣрить число юртъ, переписать юртовладѣльцевъ, составить вновь волости и аулы, избрать волостныхъ, аульныхъ старшинъ и бiевъ (народныхъ судей), распредѣлить между волостями и аулами мѣста зимнихъ стойбищъ, чего прежде не бывало, установить на новыхъ началахъ сборъ подати, прежде не равномерной въ разныхъ частяхъ края и, словомъ, реорганизовать все согласно правиламъ «Проекта положенiя объ управленiи въ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областяхъ». Для выполненiя послѣдней задачи, были командированы въ каждый уѣздъ особыя комиссiи на нихъ возложили дѣло реорганизацiи въ кочевомъ населенiи.

«Но всё эти права — выразился Туркестанскій генералъ-губернаторъ въ предписаніи своемъ, данномъ по этому случаю комиссіямъ — не принесутъ надлежащей пользы, если члены комиссій не сумѣютъ пріобрѣсти у туземцевъ уваженія къ себѣ и довѣрія къ своимъ намѣреніямъ. Того и другого можно достигнуть только безукоризненною честностію, терпѣливымъ и мягкимъ обращеніемъ съ киргизами и искреннимъ желаніемъ, опираясь на новые законы, улучшить ихъ положеніе. Я требую, чтобы члены комиссіи, понявъ всю важность настоящаго порученія, вложили бы душу въ дѣло, за которое берутся, и работали честно, энергично и сознательно».

Реорганизациа должна была окончиться въ продолженіе зимы потому, что киргизы, съ наступленіемъ весны, оставляютъ зимнія стойбища и расходятся по всему пространству извѣстнаго района, перемѣшиваясь между собою и мѣняя мѣста кочевокъ.

Между прочими свѣдѣніями, какія комиссіи обязаны были представить по окончаніи порученія своего, имъ предложено было пріобщить къ донесенію и всякаго рода собранныя ими свѣдѣнія, имѣющія административный или научный интересъ. Мнѣ пришлось быть участникомъ одной изъ подобныхъ комиссій, а именно Вѣрненскаго уѣзда.

Наша комиссія, въ составѣ двухъ членовъ, переводчика и 5 казаковъ, съ тяжестями на 8-и верблюдахъ, не считая вьючныхъ лошадей, прислуги и проводниковъ, отправилась изъ Вѣрнаго въ степь 6-го декабря 1867 года. Казачья станица Надежинская, въ 50-ти верстахъ отъ города къ востоку, есть послѣдній пунктъ русской осѣдности. Выѣзжая отсюда, и минуя кладбища съ полунаклонившимися надъ сыпучими сугробами скромными крестами, вы вступаете въ пустыню. До ближайшаго китайскаго города Кульджи, разореннаго дунгенами, какъ и прочіе города западной части Небесной имперіи, этой Сибири Китая, не ближе 400 верстъ, съ переправами чрезъ высочія каменистыя горы и частію безводныя пространства. Да еще развѣ при озерѣ Иссыкъ-Куль (300 верстъ слишкомъ отъ Вѣрнаго) стоитъ уединенно, далеко вправо отъ этой дороги, подъ хребтомъ горъ, русскій отрядъ, имѣющій деревянную казарму, магазины, два-три домика, построенные офицерами... и весьма достаточную долю скуки.

До дня нашего выступленія изъ станицы Надежинской (въ декабрѣ) было еще сухо, какъ лѣтомъ, и такъ тепло, что мы ходили въ кителяхъ, но 8-го декабря вдругъ настала зима. —

Не мало и перенесла эта комиссія, проведя зиму и весну

въ степи: многіе изъ членовъ подобныхъ комиссій, бывшихъ во всѣхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края, заплатились здорьевемъ, а одинъ изъ нихъ и жизнью за дѣло преобразованія. Пишущій эти строки также не забудетъ роковой для него рѣчки Тарганъ, журчащей между снѣгами гористой пустыни, гдѣ, въ бреду начинающейся горячки, напрасно отъ жажды онъ протягивалъ руку къ стакану, наполненному сплошнымъ до дна кускомъ льда, замѣнившимъ воду въ холодной куртѣ...

Итакъ, Вѣрненская комиссія тронулась въ путь. Снѣгъ, закрѣпленный послѣ бурана морозомъ, уже покрывалъ безграничное пространство ослѣпительнымъ однообразнымъ колоритомъ; по сторонамъ тянулись каменистые края горъ, мерцающіе тѣмъ же яркимъ бѣлымъ блескомъ, а въ ущельяхъ, по которымъ въ другое время года проходятъ тропинки, для проѣзда верхомъ по берегамъ потоковъ, теперь замерзшія массы выпуклаго льда, нависшія неподвижными каскадами, упирались въ оба каменистые берега, дѣлая проѣздъ не только крайне затруднительнымъ, но иногда и рискованнымъ. Только сапоги съ подковками на шипахъ и палка съ желѣзнымъ остриемъ на концѣ могли предохранять непривычнаго отъ безпрестанныхъ паденій. Эта картина зимы въ степи, гдѣ, вмѣсто привѣтливаго огонька изъ теплой избы, перезябшаго путника ожидаетъ остановка на снѣгу, нерѣдко безъ дровъ, хотя и разнообразилась иногда волнистою мѣстностію и прекрасными видами среди самыхъ горъ, но, можно сказать, никогда не сбрасывала съ себя общаго характера дикости и безлюдности, представлявшихъ весьма мало данныхъ для преодоленія невольнаго чувства унынія, усиленнаго ощущеніями постоянного неудовлетворенія организма, стынувшего день-о-то-дня все болѣе, днемъ на конѣ, а ночью въ куртѣ, гдѣ морозъ вступалъ въ свои права тотчасъ по прекращеніи огня изъ вѣточекъ карагайника или тезека (визьяка), тутъ же собираемаго по степи.

Такъ комиссія провела всю зиму, занимаясь организаціею кочеваго населенія, которую, несмотря на неизбѣжную медленность небывалой здѣсь прежде переписи всѣхъ кротовладѣльцевъ по именамъ и отчествамъ (киргизскимъ) и другія непредвидѣнныя сначала затрудненія, слѣдовало окончить въ три мѣсяца. Предстояло объѣхать нѣсколько тысячъ верстъ, верхомъ, съ верблюдами, чтобы побывать хотя разъ на всемъ пространствѣ уѣзда; но требовалось повторить объѣздъ и даже думали о пользѣ третьяго объѣзда. Поэтому комиссія, имѣя въ виду всю важность возложеннаго на нее порученія, громадность пространства и относительную краткость времени, дорожила каждымъ днемъ и часомъ, рассчитывая ихъ единственно для окончанія, по возможности, въ срокъ хотя

перваго своего объѣзда, съ которымъ сопряжено было также удовлетвореніе любопытства народа, возбужденнаго толками о реформѣ, и успокоеніе умовъ безотлагательнымъ введеніемъ повсюду администраціи и суда, временно парализованныхъ періодомъ между одряхлѣвшимъ старымъ порядкомъ и установленіемъ новаго преобразованія.

При такихъ условіяхъ, можно ли было ожидать отъ комиссіи, чтобы она, въ столь неблагоприятное время года для экскурсій — еслибъ она имѣла возможность ими заниматься, — наблюденій и даже письменныхъ занятій (богда не только руки зябли, но и чернила мерзли), могла собрать обильный запасъ свѣдѣній, добросовѣстно провѣрить ихъ и, по строгому критическому обсужденію, составить записки съ серьезнымъ значеніемъ въ смыслѣ интереса научнаго, или административнаго?

Но если и немногія замѣтки, схваченныя комиссіею налету и частію возникшія отъ прежнихъ впечатлѣній, могутъ принести хотя малую пользу администраціи, или пополнить свѣдѣнія о краѣ, столь недостаточно еще извѣданномъ и описанномъ, то уже одна надежда на такой утѣшительный исходъ труда ободряетъ на предпріятіе его.

Дѣйствительно, комиссія такъ близко была сопоставлена съ бытомъ народа, его нравами, желаніями, что отзывы ея не лишены интереса. На долю ея выпало: посреди сборищъ, нерѣдко въ 1,000 человекъ и болѣе, въ долгихъ и терпѣливыхъ бесѣдахъ съ народомъ, внушать ему довѣріе не только къ могуществу, но и къ справедливости, превосходству умственнаго и нравственнаго развитія поборителей, требующихъ прежде всего уваженія къ гражданственности, общечеловѣческимъ правамъ, пробужденія умственной и промышленной дѣятельности, — для подготовленія къ переходу отъ вочевого порядка жизни къ осѣдлому, къ группировкѣ, какъ первому условію зачатковъ общества и цивилизаціи, невозможной — какъ это доказано и опытомъ — при разсѣянномъ размѣщеніи населенія, хотя бы даже и не вочевого. Зимнія же стойбища киргизовъ представляли именно это разсѣяніе на огромномъ пространствѣ, по 2, по 3 юрты, отдаленныя отъ другихъ какъ значительнымъ разстояніемъ, такъ и трудностію сообщеній зимою, при истощеніи скота отъ скуднаго подножнаго, или лучше, подснежнаго корма; а изъ киргизовъ развѣ самый несчастный бѣднякъ ходитъ пѣшекомъ.

Кажется, многими киргизами были поняты наши убѣжденія строить бурганы¹⁾ на зимнихъ стойбищахъ, по примѣру болѣе

¹⁾ Огороженные склады хлѣба, сѣна и проч., при чемъ возникаютъ землянки и дома.

уже обрусѣвшихъ ихъ соплеменниковъ въ Средней ордѣ, съ затонами хотя сначала для мелкаго скота и съ запасами сѣна на случай бурановъ или «джута»¹⁾. Подобные курганы построены уже, въ числѣ нѣсколькихъ десятевъ, нѣкоторыми киргизами, но преимущественно сартами, по р. Чилику и по направленію караванной дороги изъ Кульджи въ гор. Вѣрный, а также и вблизи послѣдняго. Къ курганамъ пристають проходящіе караваны, покупая сѣно, дрова зимою, провизію и проч. Недавно показались въ степи 3, 4 деревянные дома, частью уже отстроенные, а частью неоконченные, и принадлежащіе киргизамъ; но убѣжденіе послѣднихъ въ удобствѣ дома еще не глубоко уворенилось. Едва ли построенные дома вблизи Вѣрнаго не представляютъ явленія азіятскаго тщеславія; по крайней мѣрѣ ни одинъ еще изъ нихъ не обитаемъ.

Вблизи вепальской дороги виднѣется пиветь Терсаганскій, упраздненный вслѣдствіе перенесенія дороги на другое мѣсто. Это зданіе было подарено одному изъ вліятельнѣйшихъ и богатыхъ киргизовъ, лицу, которое давно уже хвалится передъ русскими, что скоро будетъ строить себѣ домъ. Однако пиветь обращенъ въ помѣщеніе для скота, а потомокъ знаменитаго Аблая предпочитаетъ оставаться въ куртѣ, въ виду подареннаго ему дома. И не удивительно. Съ 1853 года, когда появились едва ли не первыя землянки русскаго отряда на урочищѣ Алматы — будущіе домики гор. Вѣрнаго — прошло слишкомъ немного времени, чтобы вочевники могли оцѣнить выгоды осѣдлой жизни и хотя отчасти усвоить ихъ себѣ.

Киргизы Большой орды болѣе магометане, чѣмъ многіе русскіе это думаютъ. Они, правда, не читаютъ корана, потому что почти всѣ безграмотны, но чтутъ праздники и посты, въ которыхъ, случалось намъ видѣть не разъ при захожденіи солнца, они цѣлыми группами становятся на колѣни и читаютъ молитвы, поглаживая лица и бороды и дѣлая земные поклоны. Цѣлый мѣсяцъ поста (ураза) почти всѣ киргизы — исключенія были очень рѣдки — оставались по цѣлымъ днямъ, до вечера, безъ всякой пищи, даже безъ глотка воды. Коранъ разрѣшаетъ въ дорогѣ не держать носта, но киргизы, которые были съ нами, несмотря на холодъ, постились постоянно до заката солнца. Нерѣдко бѣдняки, созданные комиссіею за 15-ть верстъ изъ окрестныхъ ауловъ, возвращались вечеромъ домой, по обыкновенію шагомъ

¹⁾ Бѣдствіе въ степи, когда, послѣ оттепели, земля покрывается ледяною корою и скотъ не можетъ копытомъ добывать себѣ корма, отъ чего и гибнетъ иногда десятками тысячъ.

(да и лошади зимою тощи и слабы) и, по расчету времени, могли прибывать на мѣсто далеко послѣ захода солнца. А въ юртахъ, зимою, развѣ только самые богатые имѣютъ базы¹⁾ и копченую баранину, чтобы положить въ казанъ, гдѣ кипитъ кузь, т. е. вода съ ишенною крупкою, приготовляемою чрезъ поджариваніе проса и толченіе его потомъ въ ступеѣ. Съ наступленіемъ лишь весны стало появляться молоко, которое будучи влито въ кузь, съ прибавкою соли, превращаетъ это скудное, повидимому, блюдо въ весьма вкусное и довольно питательное. Только гдѣ-то голодающая, можно сказать, степь поправляетъ свою отщадность: скоть—сочною травкою, а люди—благодѣтельными кумысомъ, почти замѣняющимъ въ степи всѣ кушанья, даже и для европейца, привыкающаго въ этому здоровому и питательному напитку.

Когда комиссія объясняла народу, какъ важны для блага страны новые законы, то нерѣдко толпа, съ восклицаніями неподдѣльнаго чувства, молилась за падишаха, какъ они называютъ государя, по-мусульмански. Это же случалось и при напутствованіи отъѣзжающей комиссіи, возвѣстившей народу о новыхъ милостяхъ. То же поглаживание бородъ и всѣ приемы правобѣрныхъ.

Къ счастью, въ Большой ордѣ не были введены правительствомъ указные муллы, за исключеніемъ одного, безвыѣдно живущаго въ Вѣрномъ и наставляющаго законамъ Магомета преимущественно татаръ особой слободы и сартовъ. Мечетей также вовсе нѣтъ на пространствѣ отъ Копала до Токамака, за исключеніемъ одной въ Вѣрномъ. За тѣмъ, можно сказать, что религіознаго фанатизма между киргизами уѣзда не замѣчается.

Киргизъ чрезвычайно переносливъ; ему не въ диковинку, напримѣръ, нѣсколько дней оставаться безъ пищи. Не говоря о бѣдныхъ, даже зажиточные, собираясь въ дорогу, хотя бы и за 300 верстъ, никогда почти не берутъ съ собою съѣстныхъ припасовъ; рѣдко у какого-нибудь джигита замѣтишь привязанную къ сѣдлу баранью копченую ногу, а ѣдетъ компанія челоуѣвъ въ 7 и болѣе. Они заѣзжаютъ обыкновенно въ первый попавшійся аулъ и пользуются тѣмъ угощеніемъ, какое имъ предложить хозяинъ, изъ гостепримства, иногда и очень бѣдный.

При мнѣ изъ Борохудзирскаго отряда послались за границу, въ разѣздъ, за 20 и болѣе верстъ, два охотника-киргиза; имъ поручено было пробраться въ китайскій городъ Аккентъ, гдѣ, по слухамъ, появилось сборище таранчей, и привезти свѣ-

¹⁾ Колбаса изъ лошаднаго мяса съ жиромъ.

дѣнія въ отрядъ. На тощихъ маленькихъ лошаденкахъ, одинъ съ пивой, другой съ заржавленной саблею, стариннаго образца, собрались молодцы, передъ вечеромъ, въ опасный путь, и когда я замѣтилъ, что у нихъ нѣтъ ничего съ собою съѣстного — а между тѣмъ всѣ почти западные китайскіе города и селенія разорены и обращены въ пустынные развалины, среди которыхъ ислѣвуютъ только трупы людскіе, жертвы жестокости дунгеней и таранчей — то они весело отвѣчали, что *уже пообѣдали*. Черезъ сутки удальцы вернулись. Ночью они подползали къ непріятельскому посту и, воспользовавшись безпечной бесѣдой таранчей у огня, похитили у нихъ двѣ лошади съ сѣдлами и прибыли въ отряды съ требуемыми свѣдѣніями и добычей, которую имъ же и подарили. Одинъ изъ старшихъ султановъ Большой орды рассказывалъ мнѣ, что ему случалось въ молодости, на барантѣ, быть безъ пищи по 8 дней. Кстати о барантѣ. Въ прежнія времена, до прибытія сюда русскихъ, баранты были непрерывны, какъ единственное развлеченіе, дающее исходъ празднымъ силамъ и духу удальства джигитовъ, а также какъ потребность мщенія, не говоря о приманкѣ легкаго обогащенія насчетъ оплошнаго врага. Въ одинъ изъ скучныхъ переѣздовъ нашихъ по тающему снѣгу, среди глубокой тишины степи, отражающей сверкающими алмазами блѣстки снѣга и мѣстами обнаженной уже отъ полуденныхъ лучей весенняго солнца, мы заставили проводника киргиза, порядочно говорящаго по-русски (что здѣсь рѣдко встрѣчается), рассказать что-нибудь о своей прежней жизни, бывалъ ли онъ на барантахъ и проч. Здоровый дѣтина, лѣтъ 33-хъ, показавъ сначала свои какъ слоновая кость зубы, при улыбкѣ вызванной, вѣроятно, воспоминаніемъ, дѣйствительно рассказалъ одно изъ своихъ походовъ. Содержаніе его, вкратцѣ, слѣдующее.

Еще далеко до прибытія сюда русскихъ, онъ, съ партіею товарищей изъ рода чапраштовъ, былъ на барантѣ у сарыбагшешей, за р. Чу, но неудачно: попался въ плѣнъ. Посадили молодца, по обыкновенію, совершенно нагого въ яму, вырытую въ юртѣ, и накрыли. Тамъ онъ сидѣлъ нѣсколько сутокъ, довольствуясь молокомъ съ водою, что ему давалъ хозяинъ. Ночью, на керегахъ ¹⁾, застилавшихъ юрту, ложились спать хозяева, позволяя себѣ, предъ тѣмъ, всякія безчинства съ плѣнникомъ въ ямѣ. Но вотъ, въ одно утро, во время отсутствія родителей, семилѣтняя дочка ихъ, сжалившись надъ страдальцемъ, освободила его, и онъ побѣжалъ въ степь безъ оглядки, въ томъ же

¹⁾ Деревянная рѣшетка, составляющая стѣнки юрты.

видѣ, какъ сидѣлъ въ ямѣ, т. е. безъ всякой одежды, и такъ наткнулся онъ на двухъ женщинъ; старая схватила его, чтобы выдать, но молодая, поглядѣвъ на джигита, засмѣялась и упростила старую не задерживать его. Она же принесла ему еще и халатъ на дорогу. Продолжая за тѣмъ бѣжать, раскащикъ къ вечеру увидаль вдали табунъ, дождался ночи и, подкравшись къ спящему пастуху съ чумбуромъ¹⁾ въ рукѣ отъ пасущейся возлѣ лошади, перегрызъ чумбуръ и былъ таковъ—на украденной лошади. Этотъ рассказъ даетъ нѣкоторое понятіе о бытѣ киргизовъ до водворенія здѣсь русской власти. Съ тѣхъ поръ баранты стали несравненно рѣже. Въ послѣднюю осень — а въ это время, при темныхъ ночахъ, они наиболѣе бывали часты—баранты случались лишь изрѣдка, и то вблизи китайской границы, какъ слѣдствіе неурядицы въ западномъ Китаѣ отъ инсurreкціи и частью по враждѣ нашихъ киргизовъ съ откочевавшими туда родовичами; въ другихъ же мѣстахъ вочевовъ Большой орды баранта становится рѣдкимъ исключеніемъ.

Между киргизами, особенно сарыбагишами изъ рода Бѣгу, мнѣ случалось слышать музыку на духовомъ инструментѣ, въ родѣ свирѣли, съ мѣднымъ раструбомъ на концѣ. Музыкантъ выдѣлывалъ съ большою легкостью затѣйливые пассажи, далеко нелишенные блеска и пріятности. Между прочимъ онъ мнѣ сыгралъ условный вызовъ на баранту — небольшая мелодія очень бойкаго, суетливаго характера. Вообще музыка этого удалого виртуоза, въ киргизскомъ войлочномъ колпакѣ, на тощей лошади, переливами своими и длинными нотами, какъ эхо, напоминала швейцарскія аріи, и какъ это случилось между высокими живописными горами, но дорогѣ на Иссыкъ-Куль, то очарованіе казалось еще полнѣе. По сигналу къ барантѣ, обыкновенно въ глухую ночь, раздавались крики «Атанъ Аблай²⁾» — и все воскресало: всадники вооружались длинными пиками, соколами, айбалтами³⁾, а кто и длиннымъ ружьемъ, снабженнымъ виллообразною подстановкою и фитильнымъ замкомъ, и дружина отправлялась за сотни верстъ отгонять табуны враждебнаго племени, пробираясь опасными горными тропинками и скрываясь днемъ въ тущобахъ болѣе пустынной мѣстности.

Но баранты собираются и безъ сигналовъ на сказанномъ

¹⁾ Чумбуръ—длинная шерстяная веревка, для привязыванія лошади.

²⁾ Атанъ—оконайся. Аблай былъ знаменитый ханъ Большой орды. Потомки его Аблайхановы были старшими султанами.

³⁾ Сокола—здоровая палка съ утолщеніемъ на концѣ; айбалта—топорикъ на длинной древкѣ.

музыкальномъ инструментѣ, который встрѣчается въ степи довольно рѣдко. Вообще нельзя сказать, чтобы киргизы имѣли большую склонность къ музыкѣ. Соскучившійся въ обратномъ пути почтарь бывшаго Алатовскаго управленія, болѣе или мене расторопный джигитъ, котораго вся степь знаетъ, затынетъ бывало громкую пѣсню, сочиняя текстъ экспромтомъ и почти всегда на извѣстный уже киргизскій мотивъ, протяжный, но не унылый; мальчикъ-пастухъ, въ теплую лѣтнюю ночь, карауля барановъ, пасущихся на зеленыхъ холмахъ вокругъ аула, залетается своимъ звонкимъ, младенческимъ голосомъ—все на тотъ же мотивъ — чтобы отогнать слипающій его вѣки неотступный сонъ, да записной киргизскій пѣвецъ, настроивъ свою трехструнную гитару, или лучше, балалайку, сочиняетъ вамъ куплеты — опять на тотъ же мотивъ — съ припѣвами и прелюдіями своего изобрѣтенія... вотъ и вся музыка, какую мнѣ удавалось слышать въ Большой ордѣ. Въ куплетахъ импровизаторъ воспѣваетъ какое-нибудь приключеніе романтическое, или удалое изъ жизни степной, или комическое, со вставленіемъ иногда смѣшно произносимыхъ русскихъ словъ, а въ присутствіи начальника считаетъ долгомъ любезно сочинить ему похвалы, воспѣвая его достоинства и могущество власти. Комиссіи удалось слышать пѣсни и по поводу преобразования; въ нихъ повторялись наиболѣе поразившія публику слова, сказанныя ей комиссіею по-киргизски. Напримѣръ: «ага-султанъ джокъ! улау джокъ! тюз джокъ! кой джокъ, канча джокъ!» т. е. старшихъ султановъ не будетъ, не будетъ сбора подводныхъ лошадей, верблюдовъ, барановъ! не будетъ нагайки!...

Совершенно другого рода музыку удалось мнѣ слышать въ той же степи, на равнинѣ, окружающей великолѣпное озеро Иссыкъ-Куль, но это было въ походной молельнѣ китайскихъ эмигрантовъ, разсѣявшихся въ послѣдніе годы весьма значительными массами на пространствѣ нынѣшнихъ уѣздовъ Вѣрненскаго, Иссыкъ-кульскаго и Копальскаго. Молельня состояла изъ длинной зеленой палатки, къ которой, въ видѣ алтаря, приставлена была юрта, завѣшанная внутри рисованными на матеріяхъ образами, со множествомъ свѣчъ предъ маленькимъ мѣднымъ раскрашеннымъ и благообразнымъ бурханчикомъ, по сторонамъ котораго были еще два, уродливые, въ позахъ, какъ бы угрожающихъ варюю неба. Предъ входомъ въ палатку курились фиміамъ на нѣсколькихъ треножныхъ мѣдныхъ вурилкахъ. Подлинѣ молельни, въ два ряда, расположилось на полу духовенство, преимущественно въ желтыхъ одеждахъ, безъ косъ и съ бритыми усами и бородами. Всѣ эти ламы, челоуѣкъ до 20,

имѣли въ рукахъ либо колокольчичи, на подобіе тѣхъ, какіе употребляются въ католическихъ костелахъ, либо мѣдныя тарелки—очень звонкія, либо другіе музыкальные инструменты въ родѣ кларнетовъ и трубъ; были и раковины, широкое отверстіе которыхъ распространяло особый глухой звукъ, производимый надуваніемъ въ продѣланное отверстіе съ противоположнаго конца. Наконецъ по обѣ стороны сидящихъ ламъ протягивались двѣ испанскія мѣдныя трубы, поддерживаемыя на подставкахъ, и производили, при надуваніи ихъ двумя здоровыми молодцами, со всей силы, одинъ и тотъ же звукъ, весьма почтенный по числу сотрясеній, производимыхъ имъ въ воздухѣ, а при входѣ возвышались, на подставкахъ, два огромныхъ размѣровъ барабана, въ которые мѣрно колотили особою палочкою, съ утолщеніемъ на концѣ, обтянутымъ мягкою оболочкою. При приближеніи къ моельнѣ, доносился оттуда очень странный шумъ, похожій на тотъ, какой издаетъ паровая машина, до начала поѣзда по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ. Этотъ эффектъ производили допотопныя трубы, раковины и сверхъ всего этого десятки тарелокъ своими мѣрными ударами. Богослуженіе состояло изъ пѣнья какъ бы рѣчюваннаго псалмовъ, важнымъ, набожнымъ напѣвомъ, при чемъ всѣ инструменты, съ тарелками, отбивали тихо тактъ. По временамъ старшіе ламы звонили въ колокольчичи, а музыка дѣлала forte, которое, съ освобожденными отъ нажатія рукою тарелками и возвышеніемъ голосовъ, становилось очень разительно; потомъ опять все стихало на прежній мягкій тонъ, и это, при дикости и разнообразіи инструментовъ, хотя и не давало правильнаго аккорда, но не было противно уху. Пѣніе же, унисономъ, было правильно и выражало осмысленную мелодію своеобразнаго характера. Послѣ пѣнія, продолжавшагося непрерывно съ полчаса, ко мнѣ подошли калмыки съ вопросомъ, не будетъ ли довольно? Потомъ объяснили, что богослуженіе было за царя и Россію, приютившую ихъ, разоренныхъ и обиженныхъ дунгенями. Въ алтарѣ приличіе требовало положить нѣсколько денегъ въ маленькія блюда, разставленныя предъ образами и бурханомъ, а потомъ принять угощеніе отъ духовенства. Въ особой юртѣ, зажаренный цѣливомъ баранъ, съ рогатою головою, красовался среди стола, уставленнаго яствами и лакомствами на блюдечкахъ. При этомъ пришлось намъ попробовать чаю, чуть ли не съ бараньимъ саломъ и безъ сахару.

Описанная моельня теперь находится между станицами Софійскою и Надежинскою, въ горахъ.

Киргизы Большой орды, такъ недавно начавшіе осваиваться съ русскою властію (можно сказать, съ 1847 года), до сихъ

поръ если и терпѣли нерѣдко отъ своеволія безцеремонныхъ съ ними казаковъ, въ отрядахъ, при передвиженіяхъ войскъ и, въ особенности, при посылкахъ за верблюдами и юртами (почему казаковъ и боятся), то, съ другой стороны, русскіе начальники, желая приблизить къ себѣ киргизовъ вротостью, постоянно ласкали ихъ, особенно же людей вліятельныхъ, щедро осыпая ихъ наградами и даже офицерскими чинами, до полковника включительно. При этомъ киргизы переняли отъ русскихъ и обычай рукопожатія, съ примѣненіемъ его къ обращенію съ начальниками. Теперь, кажется, киргизы не боятся уже русскаго чиновника и, если послушны строгому привязанію прямого начальства, то, по-немногу, становятся иногда несомнѣнно уважительными къ проѣзжающимъ по степи офицерамъ, затрудняя ихъ въ наймѣ перевозочныхъ средствъ за приличную плату. Въ послѣднее время даже въ казну нанимались верблюды съ большимъ затрудненіемъ, несмотря на утроенную противъ прежнихъ годовъ плату. По понятіямъ орды, русская власть, лишенная права давать, по прежнему, свое рѣшеніе по тяжбамъ и жалобамъ, съ которыми все еще они пробуютъ обращаться ко всякому начальнику, а также, не требующая ни верблюдовъ и ничего съ киргиза бесплатно, какъ бы потеряла въ ихъ глазахъ прежнее обаяніе полнаго патріархальнаго господства, и это же обаяніе еще болѣе и быстрѣе потеряли теперь старшіе султаны и другія лица, пользовавшіеся прежде вліаніемъ на народъ. Такая внезапная переменна естественно произвела въ умахъ кочевниковъ, давно запуганныхъ и раболѣпныхъ предъ всякою властію, впечатлѣніе какъ бы нравственнаго опьяненія. Личныя качества русскаго начальника и прежняя еще привычка народа уважать въ немъ силу могутъ, конечно, сглаживать эти впечатлѣнія, а развитіе понятій эмансипированной орды докончить дѣло.

Нельзя не замѣтить еще одной черты киргизскихъ нравовъ. Болѣе лукавые изъ нихъ, особенно съ отличіями, нерѣдко выражаютъ наружно слишкомъ ужъ большую преданность къ русскому начальнику, безпрестанно являются къ нему съ пожеланіемъ здоровья, протягивая безцеремонно неопрятную руку свою, пристроиваются къ свитѣ его въ пути, и для неопытнаго чиновника могутъ показаться дѣйствительно усердными и полезными. Но, болѣею частію, эти люди съ испорченною нравственностію, которые, показывая предъ народомъ, что они въ милости, эксплуатируютъ его при всякомъ удобномъ случаѣ, нерѣдко даже во время самаго слѣдованія съ начальникомъ. Честный, умный киргизъ держитъ себя солидно, почтителенъ и остороженъ, онъ и руки не протянетъ; вліаніе этихъ-то скромныхъ

людей на орду, кажется, болѣе всего важно и можетъ послужить видамъ правительства, если соприкасающіеся съ народомъ русскія власти приобрѣтутъ къ себѣ довѣріе ихъ и искреннее уваженіе. Но слѣдуетъ замѣтить, что искренность чувствъ киргиза иногда трудно отличить отъ ловой лести, которая составляетъ почти общую принадлежность киргизскихъ нравовъ.

Много могутъ принести пользы кочевому населенію, въ отношеніи его развитія умственного и нравственного, просвѣщенные уѣздные врачи, если отнесутся къ своимъ обязанностямъ сочувственно, и оказывая пользу безпомощнымъ больнымъ, съ выдачею лекарствъ безмездно и научая гигиеническимъ правиламъ жизни, не будутъ устранять себя отъ бесѣдъ съ компаніей киргизской, которая, по всей вѣроятности, будетъ постоянно окружать ихъ, жадно вслушиваясь въ каждую новую мысль, въ умное разсужденіе, схватывая доступное для нихъ свѣдѣніе. Кажется, эти сыны природы, какъ и малыя дѣти, съ первобытнымъ инстинктивнымъ чувствомъ, очень чутко отличаютъ малѣйшую неискренность въ рѣчи, съ которою обращается къ нимъ русскій чиновникъ, и потому было бы предпочтительнѣе избѣгать мистификаціи и говорить всегда только прямую истину. Притомъ успѣху рѣчи съ киргизами часто много содѣйствуетъ облеченіе мысли въ образность, украшеніе ея «цвѣтами воображенія», примѣрами, съ спокойною твердостью тона, или сарказмомъ. Такія рѣчи болѣе нравятся и, оставляя по себѣ глубже впечатлѣнія, вѣрнѣе могутъ убѣдить киргиза. Было бы весьма полезно изданіе для народа книжекъ на его языкѣ, приспособленныхъ къ его понятіямъ и нравамъ. Интересъ этихъ изданій, побуждалъ бы къ грамотности, которая въ Большой ордѣ крайне мало распространена, а между тѣмъ любопытство составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ нравовъ этого народа. Но почти необходимо раздать въ волости достаточное количество печатныхъ экземпляровъ новаго положенія, насколько оно ихъ касается, — на татарскомъ языкѣ.

Въ 1867 году, мнѣ случилось быть зимою въ Борохузирскомъ пограничномъ отрядѣ. При возвращеніи оттуда, въ концѣ февраля, прямымъ путемъ, по степи, въ гор. Вѣрный, я долженъ былъ или рискнуть переправиться, гдѣ пришлось, чрезъ р. Илю, ледъ на которой уже готовъ былъ тронуться, или слѣдовать далеко по берегу до Илійскаго выселка, чтобы перебраться на паромѣ. Ледъ отъ берега отошелъ, по рѣкѣ блестяли полыньи, а противоположный берегъ былъ на разстояніи развѣ только голоса ¹⁾).

¹⁾ Киргизы нашихъ верстъ не понимаютъ, а версту называютъ «чакрымъ» — зовъ, какъ достигнетъ голоса.

Подумавъ, посмотрѣвъ, храбрый джигитъ Чуюмбай съѣхалъ въ воду, съ трудомъ поднялся на ледъ и пробрался на ту сторону, за нимъ послѣдовалъ его родственникъ Чаготай, котораго лошадь едва уже вскарабкалась некованными копытами на гладкій ледъ, обломленный далѣе отъ берега первымъ смѣльчакомъ; за ними бросился офицеръ, меня сопровождавшій и такъ мы переправились всѣ. Но непріятно было первому испробовать крѣпость льда, чтобы указать другимъ путь, тѣмъ болѣе, что наканунѣ провалился уже киргизъ-почтарь, отдѣлавшійся потерей лошади, но не сумевъ съ казенными бумагами. Притомъ мы переправлялись рано поутру и морозъ еще не уступалъ лучамъ солнца, но джигиты не задумались снять съ себя обувь и проч., чтобы легче было и менѣе скользко на льду; каждый, взявъ по аркану ¹⁾ съ петлею, слѣдовалъ около меня съ готовностію, въ случаѣ бѣды, захватить меня веревкой. Промокшіе, они долго возились еще съ переправою верблюдовъ, не помышляя о собственной простудѣ и еще менѣе объ опасности. Я позволилъ себѣ упомянуть эти два почтенныя имени изъ особаго уваженія къ ихъ постоянной отвагѣ и рѣдкому усердію. Въ несчастію, первый изъ нихъ уже поплатился жизнію за свое рвеніе во что бы ни стало исполнить данное ему порученіе. Красивый атлетъ, съ добродушнымъ, умнымъ лицомъ, онъ былъ два раза посылаемъ въ прошломъ году изъ Вѣрнаго въ Нарынскій отрядъ къ полковнику П. съ деньгами серебряною монетою. Хотя сумма не превышала каждый разъ 150 рублей, но бѣдный джигитъ скорѣе бы разстался съ жизнію, чѣмъ съ завѣтною суммою. Въ первый разъ съѣздивъ онъ благополучно, но только замѣтно похудѣлъ, а во второй, при возвращеніи, уже на немъ лица не было: въ самый зной, объѣзжая подальше сомнительные аулы дивокаменныхъ киргизовъ, Чуюмбай, голодный, какъ и лошадь его, блуждалъ 18 дней по каменистымъ пустынямъ, пока отыскалъ отрядъ. Тронутый этимъ усердіемъ полковникъ П. подарилъ молодцу лошадей и два хорошіе халата, но батырь, послѣ того, таялъ какъ свѣча и чрезъ полгода умеръ отъ чахотки. Племянникъ же его, Чаготай, оба раза сопровождавшій перваго на Нарынъ, отличался еще недавно удалію при комиссіи; но и этотъ жалуется на боль въ груди, вслѣдствіе поѣздокъ съ бумагами на Нарынъ. На возвратномъ пути отъ витайской границы, чрезъ уроч. Сартъ-тогой, комиссія должна была переправиться чрезъ глубоко-врѣзанную въ берега, быструю, какъ всѣ горныя рѣчки, и довольно глубокую р. Чарынъ, берега которой, до полуверсты

¹⁾ Веревка изъ шерсти.

въ ширину, съ обѣихъ сторонъ, по всей длинѣ ея, покрыты весьма порядочнымъ лѣсомъ, представлявшимъ тогда дикую и грандіозную картину подъ покрываломъ густого тумана, засѣваго надъ клокочущею рѣкою и лѣсистыми берегами. Переправа въ бродъ представлялась незаманчивою. Знающій хорошо эту мѣстность, мой спутникъ и сотрудникъ капитанъ Б. предупредилъ меня, что придется намъ, спустившись въ рѣку, гдѣ берегъ поотложе, слѣдовать по самой рѣвѣ, стороною, съ $\frac{1}{2}$ версты до того мѣста, гдѣ можно перерѣзать теченіе и подняться на противоположный берегъ. Какъ дѣйствуетъ на голову быстрота теченія, мерцаніе и шумъ воды въ подобныхъ рѣчкахъ, хотя бы и въ нѣсколько саженой ширины, мнѣ уже по опыту было извѣстно. Поэтому, казавшееся невѣроятнымъ извѣстіе, полученное неожиданно чрезъ проводника, что вблизи есть *киризскій мостъ*, по которому можно пробѣхать верхомъ, было принято съ понятнымъ удовольствіемъ. Переночевавъ подъ сѣнію огромныхъ ясеней, валежникомъ отъ которыхъ мы согрѣвали свою юрту, любясь красивыми узорами дерева въ расколотыхъ кускахъ его, мы рано утромъ приблизились къ самой рѣвѣ, третья часть которой, по ширинѣ, была покрыта отъ берега льдомъ, а чрезъ остальное пространство, гдѣ мчались шумныя волны, былъ дѣйствительно устроенъ мостикъ изъ набросанныхъ кое-какъ и покрытыхъ землею вѣтвей, которыя сплелись между собою, какъ лучше не могъ бы этого придумать американскій механикъ, и хотя живой мостъ этотъ качался подъ ногами лошади, но выдержалъ весь поѣздъ нашъ и бѣольшую часть верблюдовъ съ тяжестями. Верблюды всегда затрудняютъ переправу чрезъ воду. Переводъ ихъ чрезъ рѣку и теперь продолжался не менѣе двухъ часовъ и стоилъ джигитамъ не только хлопотъ и трудовъ до изнуренія, но и холодной ванны. Одинъ изъ этихъ сухопутныхъ кораблей, сдѣлавъ шагъ на мостикъ и поглядывая пристально своими умными глазами на быстроту рѣки, глубину которой можетъ быть предчувствовалъ, рѣшительно отказывался послѣдовать за товарищами, которыхъ нарочно держали у самого мостика, на другой сторонѣ, чтобы приманить нерѣшительнаго; тянули его арканами за переднія ноги — безуспѣшно; завязали глаза — тоже; развѣючили, били, кричали, пихали общими силами впередъ — кричить, ложится и, притомъ обламывая ледъ, еще болѣе дѣлаетъ дальнѣйшія попытки безнадежными. Тогда обливающийся потомъ Чаготай снимаетъ съ себя всю одежду и въ видѣ Адама садится верхомъ на свою смѣлую лошадку, держа въ рукѣ конецъ аркана, а другой джигитъ, у котораго на рукѣ огромный

вередь, причиняющій ему боль до стонувъ, въ такомъ же полномъ неглиже, садится на верблюда, съ арканомъ на шеѣ. Затѣмъ, при общемъ крикѣ энергическихъ понуканій, лошадь Чаготая соскакиваетъ со льда въ воду и плыветъ, скрываясь до головы, а верблюда сталкиваютъ въ пучину и перетаскиваютъ на другой берегъ пѣшкомъ, причемъ оба киргиза принимаютъ весьма холодную ванну. Къ счастью, стабачникъ воды и огонь, разведенный на берегу, обогрѣли джигитовъ, которые остались однакожь совершенно здоровыми.

По такимъ мостикамъ киргизы, пользуясь меньшею глубиною рѣчекъ во время зимы, прогоняютъ барановъ, когда имъ нужны свѣжія мѣста для корма, а къ веснѣ эти мостики уносятся поднявшеюся водою и затѣмъ только отважный и привычный ордынецъ можетъ переправиться раздѣтый, вплавь, чрезъ такую рѣчку, хотя и случалось это и нашимъ офицерамъ, но только не зимою.

Остановившаяся на ночлегъ нерѣдко среди самаго аула, случилось намъ видѣть, какъ мать-киргизка обмываетъ на морозѣ холодною водою свое дитя, не обращая никакого вниманія на крикливые протесты будущаго батыря. Полунагія, необутыя дѣти зачастую весело играютъ передъ юртами, пренебрегая стужей и снѣгомъ. Немудрено, что киргизы такъ вѣрны здоровью и переносливы. Оригинально киргизское леченіе головной боли: сначала страждущій проситъ кого либо изъ сильныхъ товарищей полечить его; силачъ со всей мочи жметъ ему голову руками по разнымъ направленіямъ и потомъ пациентъ стягиваетъ ее московскимъ бумажнымъ платочкомъ, обыкновенно краснымъ. Но если и это не помогаетъ, то онъ начинаетъ щипать себѣ кожу надъ бровями до крови, такъ что слѣды этой операціи долго остаются на лбу въ видѣ багровыхъ возвышеній. Видѣть киргизовъ больныхъ, или слышать даже о нихъ, намъ доводилось рѣдко, а потому и о способѣ леченія другихъ болѣзней намъ основательно неизвѣстно. Утомленный дорогою, изможденный и проголодавшийся киргизъ, нашъ спутникъ, однажды, по прибытіи на ночлегъ, отказывался отъ всякой пищи *до утра*, говоря, что онъ «присталъ». Извѣстно, что лошадямъ и верблюдамъ они не даютъ послѣ перехода никакого корма всю ночь и даже часто до утра не разсѣдываютъ коней, оставляя ихъ привязанными къ юртамъ, несмотря ни на какую погоду; это убѣжденіе въ необходимости столь продолжительной выстойки для приставшихъ лошадей сыны степи примѣняютъ и къ себѣ.

Замѣчательная, по протяженію своему, рѣка, называемая *Чарыномъ* отъ мѣста впаденія въ нее трехъ Мерке до соединенія

съ р. Или, — выше *Кегеномъ*, а еще выше *Чамадысу* — нигдѣ не имѣеть постоянныхъ мостовъ, что много затрудняетъ необходимые пути сообщенія. Такъ наши отряды ежегодно двигаются по дорогѣ, пересѣкающей эту рѣку, при уроч. Аетогой, гдѣ ширина ея, и лѣтомъ значительная глубина, при быстротѣ теченія, часто не даютъ возможности переправиться даже въ бродъ, при которомъ обозъ можетъ пройти чуть не подъ водою. Поэтому роты и артиллерія предпочитаютъ дальнѣйшій путь, черезъ три Мерке, о которыхъ уже одно воспоминаніе производитъ неприятное содроганіе у лицъ, знакомыхъ съ этими Мерке, особенно же проходившихъ съ обозами и артиллерією; столько затрудненій испытывается по этой мнимо-телѣжной дорогѣ. Всѣ три Мерке протекають въ такихъ глубочайшихъ и обширныхъ рывинахъ, образованныхъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ тысячелѣтіями, что берега рѣкъ приобрѣли видъ и характеръ высочайшихъ каменистыхъ горъ, съ чрезвычайно крутыми и длинными спусками и подъемами, а рѣчки серебрятся внизу, какъ въ далекихъ пропастяхъ. Спускъ въ нижнюю Мерке, со стороны Иссыкъ-Куля, такъ крутъ, что послѣ дождя, по скользкой глинистой дорогѣ, невозможно даже идти пѣшкомъ, безъ явной опасности покатиться внизъ безостановочно на весьма почтенную глубину. Каково же спускаться здѣсь повозкамъ и полевой артиллеріи ¹⁾! Конечно, ихъ спускають люди на своихъ рукахъ. Впрочемъ мостъ на Аетогоѣ проектированъ еще въ прошломъ году и, сколько мнѣ извѣстно, составляетъ въ послѣднее время особенную заботу высшей мѣстной администраціи, какъ и устройство моста чрезъ р. Чиликъ, оглушительный шумъ котораго и особенно бурное стремленіе по огромнымъ камнямъ такъ дѣйствуетъ на непривычнаго, что имъ овладѣваетъ головокруженіе, при чемъ люди, берега и самъ всадникъ кажется мчатся въ обратную сторону, а ложное стараніе удержаться на сѣдлѣ въ равновѣсіи можетъ быть причиною серьезнаго несчастія: упавшаго человѣка съ трудомъ спасаютъ, преслѣдуя его въ скачъ по берегамъ. Упущенное однажды солдатское ружье въ одной изъ подобныхъ рѣчекъ, отыскалось зимою изогнутымъ, какъ желѣзный прутьикъ.

Многіе ключи, особенно въ восточной части Вѣрненскаго уѣзда, изобилуютъ солью. Случалось, что поѣздъ нашъ, съ нетерпѣніемъ ожидая необходимаго, по времени и разстоянію своего дневного перехода, отдыха, достигалъ обильнаго водою ручья, но, начавъ рас-

¹⁾ Такія дороги встрѣчаются здѣсь повсемѣстно. Нужна ли въ Вѣрномъ конная артиллерія? Нужна ли полевая? Не естественнѣ ли бы было имѣть при отрядахъ одни горныя орудія и тѣмъ сдѣлать не малое сбереженіе для казны?....

полагаться на ночлегъ, встрѣчалъ горькое разочарованіе, потому что вода оказывалась до того соленою и горькою, что даже безъ отвращенія нельзя было убѣдиться въ ея негодномъ вкусѣ, что и заставляло двигаться впередъ для отысканія чистой воды. Но въ особенности снабжаетъ окрестныхъ киргизовъ солью рѣчка Джель-Каркара, впадающая въ Большую Каркару; при этомъ ея впаденіи, по берегамъ видны бѣловатая массы нагромоздившейся соли. Для выварки ея, обыкновенно на мѣстѣ, посылаются не рѣдко команды изъ пограничныхъ нашихъ отрядовъ, если они располагаются недалеко. Соль эта, годная для употребленія въ пищу, менѣе солена, чѣмъ собираемая на р. Караталѣ и нѣсколько горьковата.

Подѣзжая къ развалинамъ бывшаго китайскаго пикета Чунджи, взоры и чувства путника, утомленные однообразіемъ пустынныхъ равнинъ или каменистыхъ горъ, пріятно поражаются пейзажемъ, вдаль, сада, разбросаннаго на пространствѣ, приблизительно, до версты въ окружности. Между деревьями, впрочемъ рѣдко растущими, возвышаются во многихъ мѣстахъ развалины глинобитныхъ построекъ. Видны еще раздѣленія небольшихъ зданій на комнаты, огороженные дворы для скота, мѣстами возвышаются отдѣльныя стѣнки, какъ щиты передъ воротами дворовъ, но ничего въ этихъ развалинахъ замѣчательнаго не осталось. Можно полагать, что кромѣ стоянки китайскаго отряда, здѣсь зарождалось и поселеніе, которое, по сказанію туземцевъ, было китайцами основано въ 1864 году, а можетъ быть и ранѣе, какъ слишкомъ удаленное отъ китайскихъ городовъ и подверженное нападеніямъ киргизовъ китайской протекціи и, вѣроятно, также нашихъ. Въ послѣднее время этотъ пограничный пунктъ былъ занимаемъ нашимъ отрядомъ, какъ удобный для наблюденія за путями, идущими изъ Кульджи въ наши предѣлы и представляющій, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе благопріятныя для расположенія отряда условія въ хозяйственномъ отношеніи.

Мѣстность Чунджи (или вѣрнѣе Джунджи, по имени китайскаго подданнаго, изъ племени таранчи, когда-то проживавшаго здѣсь) орошена изобильно арыками и, слѣдовательно, удобна для поддержанія на ней растительности. — Къ сожалѣнію, много уже деревьевъ уничтожено киргизами на топливо, между тѣмъ еще нѣкоторые помнятъ большія и вкусныя груши и яблоки, привозимыя киргизами изъ Чунджи. Теперь еще сохранилось нѣсколько десятковъ фруктовыхъ деревьевъ, частью также съ обломанными вѣтвями; къ счастью, у киргизовъ нѣтъ топоровъ, сломить же цѣлое дерево трудно. — Коммиссія приняла нѣкоторые мѣры для охраненія этой рощи отъ окончательнаго истре-

бленія. Волостной управитель, умный и хорошій человекъ, обязался помѣстить здѣсь надежное семейство киргизовъ, которое, оберегая деревья, будетъ имѣть право продавать плоды, сѣять табакъ и заводить огороды. При этомъ всѣ деревья приковано сосчитать и записать, а кочевникамъ строго запрещено ломать деревья, о чемъ комиссія неоднократно внушала киргизамъ, напоминая имъ, что и одно отдѣльное деревцо въ степи нерѣдко набожными людьми считается священнымъ, какъ особый даръ неба, посылающаго истомленному зноемъ путнику и его животному прохладный отдыхъ въ тѣни, которая такъ отрадна среди степи. Выгоднѣе было бы поселить на Чунджи кого-либо изъ желающихъ сартовъ, любящихъ вообще садоводство и огородничество, но пока охотниковъ на это еще не оказалось: слишкомъ близко сосѣдство неурядицы, еще не прекратившейся въ западномъ Китаѣ.

По берегамъ р. Или также не мало лѣса. Мы его видѣли зимою.—Это небольшія искривленныя деревья, которыхъ стволы и вѣтви какъ бы перекручены; они состоятъ изъ продольныхъ, идущихъ спирально слоевъ, какъ веревки.—Нельзя предположить, по жалкому виду этихъ деревъ, чтобы онѣ имѣли листья; говорить, будто нѣкоторыя имѣютъ ихъ лѣтомъ, но большая часть сухія, выросшія при лучшихъ условіяхъ мѣстности, вѣроятно прежде шире орошенной рѣкою, хотя въ весенній разливъ, теперь представляются скелетами, обреченными уже природою на гибель безъ потомства. Почва же береговъ большею частію песчаная.—Это дерево, называемое киргизами «саксаулъ», доставляетъ имъ лучшее топливо. Дѣйствительно, въ юртѣ даже зимою, жаръ отъ костра изъ саксаула невыносимъ. Куски дерева очень тяжелы. Оно впрочемъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ степи, но не имѣетъ такой вышины и ближе подходит къ разряду кустарниковъ.—Видъ такой рощи, сопровождающей р. Или, наводитъ уныніе своею безжизненностію и ненатуральною кривизною торчащихъ во всѣ стороны рогулекъ.

Не то встрѣчаетъ взоръ въ живописныхъ ущельяхъ алатавскаго хребта, особенно лѣтомъ. По покатосямъ, обращеннымъ на сѣверъ, вообще не мало виднѣтся лѣса, особенно еловаго, но его трудно добыть; по сторонѣ же южной, или солнечной, («Кунчей» по-киргизски) хребетъ лишенъ растительности, за исключеніемъ развѣ береговъ извилистыхъ потоковъ. Въ ущельяхъ обращенныхъ къ Вѣрному, оглашаемыхъ весело и шумно несущимися рѣчками, то въ видѣ каскадовъ по круто-наклоненному и сжатому скалами руслу, то волнистыми серебряными лентами, пробивающимися сквозь роскошную зелень, отражаемую

прозрачною влагою, — въ этихъ ущельяхъ, кромѣ ели, осины и тополя, встрѣчается много фруктовыхъ деревьевъ, въ особенности урюка (дикій абрикосъ) и яблони. Плоды перваго, величиною съ небольшую сливу, довольно вкусны и напоминаютъ запахомъ садовые абрикосы. — Есть рябина и изрѣдка попадаетъ ясень и береза, недостатокъ которой, впрочемъ, очень ощущается въ Вѣрномъ. Для исправленія экипажей и для мебели береза вывозится не ближе, какъ за 70 верстъ, добываемая съ трудомъ въ ущельи р. Тургеня. — Недавно однимъ изъ жителей найдена въ горахъ дикая слива, и пересаженная въ Вѣрный, говорятъ, вполне уже принялась.

Въ ущельяхъ множество малины и облѣпихи, которая растетъ иногда на огромныхъ кустарникахъ, облѣпляя своими желтыми сладкими ягодами (на подобіе смородины) всякую вѣточку съ необыкновенною щедростью. Изъ этой ягоды приготавливаютъ довольно ароматныя наливки, уподобляемыя охотниками сотерну.

Почва Вѣренскаго уѣзда, особенно полосы ближайшей къ горамъ, вообще достаточно влажной отъ рѣчекъ и подземныхъ ключей, если еще при этомъ орошается искусственною ирригаціею, т. е., по здѣшнему, «арыками», необходимыми для избѣжанія крайней сухости верхнихъ слоевъ земли въ долгое и знойное лѣто, — вѣроятно способна къ разведенію многихъ сортовъ лѣса.

Хлѣбъ здѣсь растетъ и разводятся сады не иначе, какъ при условіяхъ существованія арыковъ, которые издавна проведены киргизами, очень искусными въ дѣлѣ ирригаціи полей и проведенія этихъ каналовъ, стоющихъ громаднаго, терпѣливаго труда.

Въ настоящее время, при новомъ, несравненно лучшемъ устройствѣ организаціи края и съ подчиненіемъ сословія казаковъ одной власти военнаго губернатора, представляется гораздо болѣе возможности озаботиться объ увеличеніи садовъ въ городѣ и станицахъ и разведеніи мѣстами искусственныхъ рощъ, что и не упущено изъ виду мѣстной администраціею Семирѣченской области: сады и рощи возникаютъ теперь, какъ по волшебному мановенію и, кажется, сочувствіе къ этому благому дѣлу пробудилось не только у болѣе образованныхъ классовъ жителей, но и между казаками; а киргизы, можно сказать, пока еще озадачены выполненіемъ требованій начальства о разведеніи рощей на своихъ пашняхъ. Можно надѣяться, однако, что съ приведеніемъ къ окончательному устройству волостей и освоеніемъ степи съ новымъ порядкомъ, распредѣляющимъ земли разъ навсегда между киргизами, не знавшими до сихъ поръ

безспорныхъ правъ на это владѣніе, начнутся и у нихъ заботы объ улучшеніи своего быта, не ради одного лишь выполненія приказаній русскихъ начальниковъ.

Коммиссія заключила всѣ свои занятія въ іюлѣ мѣсяцѣ 1868 г., и кажется не безъ успѣха. Юртовладѣльцы (болѣе 23,000) переписаны во всемъ уѣздѣ, организовано 111 ауловъ, и изъ нихъ 17 волостей, избраны всюду лица киргизской администраціи и суда, объявлено объ увеличеніи ясака, съ 1 р. 70 к. до 3 рублей, введено, кромѣ того, денежное содержаніе волостнымъ и аульнымъ старшинамъ отъ народа, по общественнымъ приговорамъ, вмѣсто прежняго порядка неравномѣрныхъ сборовъ ими съ народа, и въ неопредѣленномъ количествѣ, просомъ, баранами и проч. Увеличеніе ясака принято безъ всякаго ропота; за тѣмъ распределены зимовки между волостями и аулами съ точнымъ опредѣленіемъ границъ и, словомъ, введенъ повсюду новый порядокъ; а къ бывшему, по свѣдѣніямъ 1867 года, числу юртъ въ уѣздѣ, 10,943, добавлено коммиссіею еще 12,815 юртъ, скрываемыхъ прежде.

Обращаясь, въ заключеніе, къ дѣлу реорганизаціи края вообще и не касаясь подробностей проекта новаго положенія, которыя могутъ частію измѣниться при дальнѣйшемъ развитіи основныхъ идей, по примѣненіи ихъ къ дѣлу на практикѣ, нельзя не отозваться съ глубокимъ сочувствіемъ, во-первыхъ, о введеніи, на болѣе правильныхъ началахъ, въ странѣ самоуправленія между киргизами, и особенно народнаго суда. Предоставленное суду бievъ право рѣшать дѣла даже по барантѣ и убійствамъ спасетъ многія жертвы, быть можетъ иногда и невинныя, отъ преждевременной смерти, такъ часто постигавшей киргизовъ при продолжительномъ заточеніи ихъ на гауптвахтахъ во время производства слѣдствія и суда. Въ послѣднее время, напримѣръ, изъ числа 5 киргизовъ, захваченныхъ лѣтомъ 1867 года нашимъ отрядомъ, и ожидавшихъ суда за откочеваніе въ китайскіе предѣлы, одинъ умеръ подъ арестомъ, другой также, спустя нѣкоторое время по освобожденіи его, а третій жалуется на злобѣщую боль въ груди... Излишне распространяться о томъ, что судъ народный будетъ быстръ, разслѣдованіе, производимое бiами, несравненно успѣшнѣе, виновный понесетъ заслуженную и чувствительную кару, а обиженный всегда получитъ вознагражденіе въ видѣ «куна», т. е. штрафа, если не съ отвѣтчика, то, по шариату, съ родственниковъ его; самая администрація менѣе будетъ обременена дѣлами и, главное, менѣе возьметъ на свою

совѣсть отвѣтственности за ошибки, медленность и неправосудіе, хотя бы и неумышленное, но такъ вредно дѣйствующее на умы, на кредитъ русской власти!

Затѣмъ, отряднымъ, святымъ дѣломъ преобразованія представляется отиѣна насильственнаго сбора съ киргизъ верблюдовъ, лошадей, юрть... Тотъ лучше можетъ оцѣнить все значеніе и пользу этой милости, кто видѣлъ самъ кровавыя сцены собственной защиты киргизовъ отъ этого насилія, кто былъ свидѣтелемъ плача женщинъ, обнимавшихъ съ отчаяннымъ воплемъ своихъ верблюдовъ, кому, вмѣсто полученія казенной прежде платы, по 5 рублей за жиръ верблюда на мѣсяць, престарѣлый родоначальникъ, увѣшанный русскимъ золотомъ, серебромъ и брилліантами, вынужденный стenanіями народа, хотя и съ боязнію, и чрезъ другихъ, но рѣшался предлагать, по секрету, готовность народа заплатить по 10 рублей съ верблюда, для найма ихъ на сторонѣ, на предметъ перевозки тяжестей въ пограничныя отряды!! Факты эти, не придуманные, не преувеличенные, быть можетъ будутъ взвѣшены и при допущенныхъ положеніемъ исключеніяхъ, когда дозволяется прибѣгать къ нарядамъ верблюдовъ, не по взаимнымъ условіямъ съ хозяевами, а способомъ какъ бы реквизиционнымъ.

Въ прежніе годы дѣйствительно торговые люди находили между киргизами охотниковъ давать «подъ жиръ» верблюдовъ, съ платою 5 руб. за cadaго въ мѣсяць, и безъ всякихъ условій вознагражденія за павшихъ животныхъ. Въ этомъ же году казна наняла, и то съ большимъ трудомъ, верблюдовъ по 15 руб. за cadaго въ мѣсяць, кромѣ жалованья лаучамъ (проводникамъ) по 5 р., сухарей имъ и приварочныхъ денегъ; да, сверхъ того, обязалась уплатить за cadaго павшаго верблюда по 45 рублей. Такая, сравнительно съ прежнею, высокая условная плата съ казною указываетъ на то, что верблюды въ частныхъ караванахъ сберегаются, а отданные на попеченіе казны, если не падаютъ въ пути, то возвращаются къ хозяевамъ до того изнуренными и на половину больными отъ дурного присмотра и обращенія съ ними, что ихъ и поправить трудно, и значительная часть ихъ зимою падетъ на мѣстѣ. Старожиламъ извѣстно, какой громадной цифры этихъ неоцѣненныхъ въ здѣшней мѣстности кораблей пустыни стоили Большой ордѣ всѣ наши экспедиціи со времени занятія края. Коммисіи случилось нагнать транспортъ съ провіантомъ, перевозимымъ чрезъ подрядчива, богатаго татарина, который самъ слѣдовалъ съ караваномъ. Спускаясь къ вечеру съ горъ на желаемую для ночлега долину, мы предположили остановиться съ караваномъ вмѣстѣ и раскинули

у рѣчки наши юрты; но люди подрядчика и самъ онъ, сойдя съ лошадей, стали руками разгребать снѣгъ и разсматривать землю, суха ли она, или слишкомъ влажна, и въ разныхъ мѣстахъ долго повторяли это изслѣдованіе, пока не избрали, наконецъ, удобной площади, гдѣ бы положить верблюдовъ. На другой день комиссія разсталась съ караваномъ потому, что въ немъ производился тщательный осмотръ всѣхъ верблюдовъ, причемъ снимались чомы ¹⁾, и если спина животнаго оказывалась потертою, то принимались мѣры къ излеченію, а лекарства были съ собою; кромѣ того, при караванѣ имѣлись и запасные верблюды, а для ослабѣвшихъ силами везлась при караванѣ, въ кускахъ, особая пища, составленная изъ выжимогъ конопля, послѣ приготовленія изъ нея масла.

Но такова ли заботливость о верблюдахъ въ нашихъ отрядахъ? Въ комиссіи ихъ было только восемь, но и за тѣми невозможно было добиться должнаго присмотра: лаучи ²⁾ попались нерадивые, казакъ неопытный, а хозяина нѣтъ; верблюдовъ укладывали гдѣ пришлось, чомы никогда не снимались — хорошо, что была еще зима — и не только не было заботы о лекарствахъ, но и часто выжили дурно, обременяя одну сторону животнаго грузомъ несравненно тяжелѣйшимъ, чѣмъ съ другой стороны, или нагромождали кладь непомерно высоко, отчего она качается, мѣшаетъ ходу верблюда и сбиваетъ ему спину.

Если только можно изыскать средства къ должному уходу за верблюдами при здѣшнихъ войскахъ, то несравненно разсчетливѣе было бы для казны содержать ихъ постоянно въ извѣстномъ числѣ, чѣмъ ежегодно нанимать за столь высокую цѣну и, притомъ, въ случаѣ экстренномъ, не имѣть подъ рукою въ готовности перевозочныхъ средствъ. Бываютъ періоды времени, когда табуны верблюдовъ угоняются киргизами очень далеко отъ мѣстъ квартированія войскъ, или расположенія отряда; тогда способъ найма сопряженъ съ крайнею медленностію, которая можетъ случиться очень нестати... А переносливаго, не требующаго теплѣги и шагающаго по всякимъ горамъ верблюда, лошадьми здѣсь замѣнить нельзя.

Н. Фридрихсъ.

¹⁾ Родъ сѣдла для выюковъ.

²⁾ Проводники, погонщики верблюдовъ.